

Фальшивая коробочка.

(сугубо экспериментальная попытка написания детского рассказа)

Росистым летним утром, в час, когда мягкое и убаюкивающее солнце готово ласкать ланиты, но ещё не припекать тела, двое беззаботных деревенских детей шагали по лесной дорожке, насвистывая под нос какую-то весёлую песенку. В этом лесу им была знакома каждая дорожка, каждая тропинка, поэтому они вовсе не опасались заблудиться, свернув в глубины глухой чащи. Дикого зверя в этих местах давным-давно уже не водилось, наверное, с тех пор, когда в двадцатые годы прошлого столетия был застрелен последний медведь легендарным охотником, память о котором в местных краях передавалась из уст в уста, не ослабевая по заведённой традиции из поколения в поколение, а напротив – постепенно обрастая всё новыми и новыми подробностями, так что и вовсе нельзя было уже разобрать в сказках об охотнике ту давнюю правду, которую ещё деды с прадедами говаривали, будучи прижизненными свидетелями описываемых ими событий. Что же до иных людей, то хоть в деревне и жили местами пьянчуги и лодыри, но обидеть ребёнка никто из них бы не решился, да и знала таких типов всякая деревенская собака, а прочих же населённых пунктов не было и не предвиделось в округе ближайших семи десятков километров. Впереди по тропинке, как и подобает в компании людей, живущих на свете первый десяток лет, шла старшая девочка Танюша. Она была уже довольно большая, ведь ей в прошлом месяце исполнилось целых шесть лет, и поэтому со всей ответственностью она задумывалась о том, что через год начнёт своё образование в местной школе. За ней хвостиком семенил соседский мальчуган с гордым именем Дамир, который был младше девочки на год. Он всегда и везде следовал за Таней, и так к ней привязался, что воспринимал её в качестве старшей сестры. Дамирка гордился тем, что у него дома обитала зверушка, какой не было ни у кого другого в родной деревне. Однажды бравый морячок, приходившийся мальчугану дядюшкой, привёз из дальнего плавания настоящую живую каракатицу и поселил её в большом баке, стоявшем во дворе рядом с сараем, выбранным для обитания там утят. Каракатица умела и очень любила менять форму и цвет, то становясь будто бы прозрачной, то приобретая весьма необычный окрас, то вовсе видоизменяя внешний свой вид практически до неузнаваемости. За то, что она такая разная и непонятная, Дамирка обожал свою каракатицу и мог часами читать бурёнкам и поросёнкам нравоучения, сравнивая их со своим ненаглядным и обворожительным морским существом – и всякий раз сравнение было не в пользу коров и свиношек. Ведь они же форму менять неспособны! А Таня просто любила шишки. Их пряный и смолистый хвойный запах, блестящие на солнце чешуйки, горьковатый ароматный привкус. Для того, чтобы сбивать шишки с сосен, она использовала шапочку Дамира, отчего шапочка приобретала освежающий хвойный запах и смоляные пятна, за которые мальчика всегда ругали мама с папой, когда он возвращался домой из леса. Вот и сейчас, вприпрыжку шествуя по лесу с плетёным лукошком в поисках ярких и сладких ягод дикой земляники, Таня сбила три шишки и засунула их за щеку, подпрыгивая от радости и повизгивая от удовольствия, словно щенок, дорвавшийся до хрустящей косточки. На обочине дороги дети заметили какие-то торчащие толстые стебли с шариками утолщений на конце. Девочка засмеялась, присела возле стебля и принялась, раскачивая растение в разные стороны, греметь им, словно ясельными погремушками.

- Я видела такие штуки раньше, они ещё у дяди Пети в огороде растут. Он из этих шариков высыпает семечки и в пирожки да булочки сладкие кладёт, а стебельки сушит, в трубку забивает и курит, ну продаёт ещё иногда другим дядям и тётям, не пойму только – кому они нужны-то, палки эти корявые? – Танюша аж взвизгнула.

- А дяди стебельки эти тоже курят, ага, они от них такие добрые и сонные становятся, наверное, это и есть та самая сказочная сон-трава, - кивнул Дамир.

Таня высыпала из коробочки семечки на маленькую ладошку и, протянув мальчику, спросила: «Будешь?». Дамирка кивнул: «Давай, Танюх!» Таня уткнулась ртом в ладошку и принялась жевать, её примеру последовал и названный братец.

- Фу, и совсем они даже не вкусные, горькие какие-то... - пробормотал мальчуган, распробовав.

- Да заплесневели, наверное, ой, и правда, пакость-то какая! – согласилась Таня. Она высыпала на землю остатки семян и недовольно, словно бы в отместку, вмяла их кончиком кеды в землю. Дети тотчас встали и продолжили свой путь. Таня шла и думала, что всё-таки она замечательная дочь у

замечательных родителей, и, наверное, когда она будет учиться в школе, там будет уйма всяких интересных книжек и раскрасок, и что как всё-таки хорошо, что сейчас тёплое и разноцветное благоухающее лето, а сзади топает своими маленькими ножками её лучший друг, такой необычный, весёлый и порою бывает чудной. На душе у девочки стало очень тепло, светло и спокойно. Она посмотрела на мальчишку и решила, что он и впрямь довольно необычный, даже, наверное, какой-то не такой, каким она его привыкла видеть. На короткое мгновение Таня внезапно испугалась, что её друга подменили кем-то другим, страшным, злым и нехорошим, чтобы зачем-то ей навредить, хотя кому она что такого сделала, чтобы кто-то ей навредить вдруг захотел? Но нет, она прогнала такие мысли как заведомо бредовые. Девчонка прошла ещё несколько сот метров со своим странным Дамиром, который почему-то упорно не желал приобретать привычные черты, хотя что именно в нём стало другим, сказать было сложно. Неожиданно Танюша почувствовала одновременно труднообъяснимое напряжение, усталость и головокружение. Тогда она решила устроиться под деревом, чтобы пообедать парой бутербродов, которыми мама её снарядила в дорогу, запивая всё это дело колодезной водой из бутылочки. То, что пища помогает справиться с усталостью, Таня уже знала даже по своему невеликому опыту. Она предложила бутерброд странному Дамиру, но тот был вялым и словно бы впал в какое-то оцепенение, задрал очи долу. Таня тоже подняла голову и устремила взгляд вверх, заметив, как солнце искристо играет в переливчатых кронах деревьев. Ветви переплетались самым чудесным образом, создавая очертания диковинных мифических и сказочных животных, животные сменялись пейзажами, а те, в свою очередь, распускались чудесными тропическими цветами – и всё это многообразие можно былолицезреть в одной только игре света, цвета и тени в сочетаниях, хитросплетениях и наложениях ветвей и листьев. Через некоторое время Тане показалось, что она поднялась до уровня крон деревьев и смотрит прямо перед собой так, как будто бы она и сама была высотой с дерево, но в следующий момент она заметила, что кто-то движется слева от неё. Девочке стало страшно. В глубине чащи шевелилось что-то лохматое, безобразное и, несомненно, опасное. «А вдруг это медведь?» – проскользнула мысль у Танюши. Она дико закричала от страха и, схватив Дамирку за мягкую детскую ручонку, со всех ног бросилась наутёк, но, пробежав метров триста, с ужасом поняла, что со всех сил сжимает в руке сухую сучковатую палку. Друга поблизости нигде не виднелось. Тогда Таня испугалась ещё больше за судьбу Дамира и принялась его звать во весь голос. Внезапно он появился прямо из ствола дерева. «Ну как так можно? За нами гонится медведь, а ты со мной в прятки играть решил?!» – возмутилась девочка. Мальчишка залиvisto засмеялся тонюсеньким детским голоском и снова влился в дерево. «Наверное, я попала в какой-то особый, волшебный лес и теперь меня пытается завести в глушь леший, но у него ничего не получится!» – пробормотала Танюшка под нос. Но стоило ей обернуться, как она увидела прямо подле носа косматую медвежью морду. Взвыв от страха, девчонка принялась бодро карабкаться на дерево, в которое вселился Дамир. Медведь сначала носился по деревом, но вскоре встал на задние лапы и начал вытягиваться вверх вдоль ствола. Чем выше Таня – тем длиннее медведь! В итоге он достиг длины примерно десяти метров и хмуро смотрел на девчонку, заметившую прозрачность собственных рук, сквозь которые начала просвечивать сосновая морщинистая кора. Взглянув вверх, Танюша с отвращением ужаснулась: в ветвях висели пауки. Гигантские, большие, маленькие, микроскопические, узорчатые, мохнатые, длинноногие, разноцветные и просто чёрные и блестящие – все они с невозможной скоростью оплетали паутиной все ветви, листья и листики. Оглядев лес вокруг, Таня осознала, что в плотные коконы паутины укутаны уже все без исключения, а меж листьев иногда проскакивали, падая вниз, ершистые и непричёсанные крысы и мыши – в том числе и летучие. А теперь паутиной оказалась опутана и сама Таня. Мелкие пауки, которые, если сжать ладонь в трубочку и смотреть из темноты, становились светящимися, ползали по танюшиной юбке, кедам, волосам, между всех пальцев свисала густая паутина, а под ногтями были даже отложены, кажется, какие-то шевелящиеся личинки. Медведя же однако уже нигде не было почему-то. Воздух вокруг мерцал, рябил, вспыхивал яркими ослепительными точками и мельтешил, точно в нём пульсировала жужжащая комариная стая или облако мошкары, какой по весне часто можно увидеть по берегам рек и озёр. Шелест листвы в ушах пульсировал в такт ряби и вспышкам, обращаясь в один нескончаемый давящий гул. Когда Таня посмотрела вниз, то её осенило, что гудит на самом деле не листва, а гудит трактор дяди Володи, который приехал, наверное, чтобы её спасти от всего этого кошмара. В такт гудению пульсировала и прозрачность рук – они то приобретали привычный вид розовых толстых палочек,

воткнутой в розовую же плоскую лепёшку, то вдруг становились прозрачными и дымчато-мутноватыми, точно горный хрусталь. «Садись!» - сказал дядя Володя, когда девочка слезла с дерева. В тракторе оказалось очень тесно даже для девчонки детсадовского возраста, а ещё там почему-то пахло ландышами и пимами. «Я тебя должен отвезти к Лешему Бабаю», - произнёс Володя и захлопнул дверцу. Таня опять испугалась, хотела выскочить из трактора, но ощутила жуткое головокружение и не смогла даже сдвинуться с места. Деревья, попадавшие по пути к Лешему Бабаю, вели себя очень странно: они прятались, разбегались, их стволы скручивались, некоторые резко поднимались вверх, подобно природным шлагбаумам, другие же – напротив – падали прямо на трактор, впрочем, не принося ему никакого особого вреда, как бы это ни казалось удивительным. Через некоторое время трактор внезапно превратился в танк, а вокруг загрохотали леденящие душу канонады выстрелов и взрывов, сопровождаемые ослепительными вспышками, затем снизу забурлила вода, а танк обратился в подобие парома. Прошло много часов и ещё больше превращений окружающего мира, прежде чем они прибыли на то место, куда вёз девочку дядя Володя. Таня стояла посреди какой-то зеленовато-синей светящейся поляны, а вокруг вращались пятнисто-красные яркие шляпки мухоморов. Рядом стоял пенёк с корявыми длинными корешками, постепенно сраставшимися, превращаясь в верхнюю половину Дамира. В нижней половине Дамир оставался по-прежнему пнём. «Пока ты, Танька, бегала, меня уже Лешим Бабаем русалки назначили», - назидательным тоном сообщил мальчик-пенёк. Тут со всех сторон послышался оглушительный хохот, а кроны деревьев замерцали серебристостью рыбьей чешуи. Таня подняла голову и увидела прекрасных русалок, покачивающих хвостами. Их длинные зеленоватые волосы вились на много метров куда-то вниз, сливаясь практически возле земли с кустами. Вокруг сновали разноцветные кошки, прыгая, кувыряясь и превращаясь одна в другую. «Так вот, какое ты – Лукоморье...» - подумал девочка. Вдруг земля вокруг начала пульсировать и раскачиваться вверх-вниз, как батут, подбрасывая Танюшу выше самых высоких деревьев. Тогда ей в голову пришла идея, что на самом деле в деревьях кроются клочья ночи. На фоне невероятно яркого, словно засвеченная фотоплёнка, неба в чёрную крапинку, распускались древесными ветвями края звёздных высот. На извечно ночном небе, словно бы растрескавшегося осколками масляной краски, висела даль заоблачной лазури. И это небо ночи стояло на упругих ножках хвойных стволов. Всё вокруг начало очень быстро вращаться, оборачиваясь распадающейся и движущейся картиной на отдалённой плоскости небосклона. Таню одолевала просто нестерпимая жажда, которую даже свежая колодезная вода была не в состоянии утолить. Девочка придвинула пенёк с Дамиркой поближе к себе и легла на крутящуюся и дребезжащую травянистую листву и опавшую сосновую хвою. Перед глазами кивали колокольчики, синенькие, раскидистые, словно высотные фонари в больших городах, и тогда на душе стало так тихо и так безмятежно, что Таня, испив нектар лазурной выси, позволила полуденному зениту втянуть себя вглубь этого чистого, мерцающего, искристого света...

«Случай острого отравления алкалоидами белены зафиксирован в Иркутской области. Двое детей дошкольного возраста – мальчик и девочка – были обнаружены в бессознательном состоянии на поляне в лесной полосе близ посёлка Камланово местным жителем, занимавшимся в летний сезон сбором грибов. По решению врачей дети были в экстренном порядке госпитализированы в реанимационное отделение Иркутской государственной больницы. Благодаря своевременно оказанной помощи и старательным усилиям врачей, их жизни удалось спасти и сейчас здоровью детей уже ничего не угрожает. Вскоре они будут переведены в общую палату токсикологического отделения, однако в больнице им придётся провести ещё несколько дней до полного выздоровления и исключения развития возможных осложнений как последствия отравления».

Белоусов Роман.